

Глава первая

«Лифт отключен на время ремонта лестницы».

Я заморгала, прочитала объявление второй раз, третий, потом посмотрела на соседку, которая стояла у почтового ящика в спортивном костюме и домашних тапочках, и спросила:

— Сонечка, а как вы сюда попали?

— По ступенькам сбежала, — пояснила Софья. — Яковлева окончательно ума лишилась. Вчера выхожу из кабинки, а она вот тут у стены притаилась. Увидела меня, щеки раздула так, что, казалось, сейчас лопнут, и как рыкнет:

— Климова! Зачем на лифте катаешься?

Здорово, да? И что ей ответить? Говорю ей:

— Зоя, я не ребенок, чтобы баловаться, просто спустилась вниз. Чем ты недовольна?

Климова прищурилась.

— И тут она выдает: «Софья, у нас новый лифт, он проходит обкатку. Нельзя на нем туда-сюда шлендрать. Со второго этажа можно и пешочком спуститься». Я опешила. А сегодня! Глянь! Лифт отключила. Объяву повесила! Яковлева точно с ума сошла. Подъемник у нас что, для декорации?

— Поняла, — сказала я. — Но лестница-то в порядке? Ремонта нет?

— Бегай по ступенькам сколько угодно, — фыркнула Соня.

И тут у меня зазвонил телефон.

— Как дела? — спросил Костин. — Хоть что-нибудь удалось узнать?

— Сейчас поднимусь домой и все расскажу! — пообещала я.

Дверь в нашу квартиру была приоткрыта, я удивилась, вошла в прихожую, погладила Фиру и Мусю, которые выбежали встретить меня, и заглянула в столовую.

— Лампуша пришла! — завопила Киса, размахивая вилкой.

С вилки слетели макароны и попали прямо на грудь соседке Зое, которая сидела рядом с девочкой.

Яковлева брезгливо поморщилась, взяла из держателя бумажную салфетку, осторожно сняла с ее помощью спагетти с мясом и бросила на стол.

— У меня сегодня три пятерки, — продолжила ликовать малышка, — по матишу, англишу и поведению!

— Хорошо, что ты пришла, — поджала губы Яковлева, — встал вопрос о...

— За картину «Март наступил» мне тоже «отлично» поставили, — радостно объявила Кисуля.

— Сейчас детей всяким глупостям учат, — поморщилась Зоя. — Февраль за окном! Холодина!!! Встал вопрос о...

— Тепло точно придет, — оптимистично заявила Киса, — а мой рисунок нужен для выставки.

— Встал вопрос о... — резко повысила голос Зоя.

— «Чудеса весны», — весело болтала Киса, — она же всехняя весна, и каждому начудит!

Зоя фыркнула.

— Всехняя, ихняя... Лампа! Твой ребенок чудовищно необразован!

Роза Леопольдовна, стоявшая у кофемашины, обернулась. Взгляд няни полыхал как пламя из пасти огнедышащего дракона. Пусть вас не удивляет такое сравнение, я воочию видела, как из глаз Краузе вылетают языки пламени.

— Она невоспитанна, размахивает вилкой, болтает с набитым ртом, не дает взрослому человеку слова произнести, — продолжала Зоя, — бросила на мою одежду еду! И разговаривает, как в коровнике! Всехняя! Да ее никто замуж не возьмет, проживет старой девой с десятью кошками.

— Сколько кисок! — обрадовалась девочка. — Суперски! Еще и собак заведу.

— Да она просто debilка! — взвизгнула Зоя. Вот тут мое терпение лопнуло.

Я встала.

— Госпожа Яковлева, покиньте наш дом.

— Встал вопрос о... — как ни в чем не бывало продолжала свою партию главная по подъезду.

Я набрала побольше воздуха в грудь. В ту же секунду мопсика Фира, которая из-за цвета своей шерсти получила домашнюю кличку Черный Лебедь, а из-за ничем непоколебимой невозмутимости получила еще имя Аристотель, неожиданно быстро посеменила к Зое, села у ее ног и, задрав голову (что для мопса весьма непросто), посмотрела в лицо гостьи.

— Вам отказано от дома, — сказала я, — уходите.

— В смысле? — опешила Яковлева. — У нас назрел вопрос...

Фира удовлетворенно вздохнула, встала и несвойственной ей рысцой покинула столовую. Поведение Черного Лебеда меня озадачило. Как правило, Фируся лишней раз лапой не шевельнет. И уйти из комнаты, где кто-то ест, тоже не в ее правилах. Из-за того, что объем талии Фиры превысил ее рост, псинку посадили на диету, и она проводит весь день в столовой в трепетном ожидании момента, когда у кого-то с тарелки на пол что-нибудь упадет. И вдруг! Спешная эвакуация!

— Почему у меня ноги мокрые? — изумилась Зоя, опять не закончив фразу. — Откуда вода?

Тут-то я поняла, чем занималась Фира, почему она уселась у ног Яковлевой, а потом поспешно сбежала. Наши мопсика обе, и Муся, и Черный Лебедь, без памяти обожают Кису. Может, Фируша экстрасенс? Или она лучше понимает речь людей, чем мы думаем? Фируша

поняла, что Яковлева обидела девочку, обозвала ее debilкой, и решила ей отомстить.

— Что за черт? — недоумевала старшая по подъезду.

— Уходите, — приказала я, — немедленно.

— Да что случилось? — заморгала Зоя.

— Вы посмели оскорбить моего ребенка, — отрезала я.

— Правда глаза колет, — ехидно заявила соседка, — никто не хочет ее слышать. Ложь куда приятнее. Но я всегда говорю людям истину! Девочка ваша невоспитанна. И глупа. Я пыталась ей объяснить, что замуж ей с такими манерами не выйти. И что? Она испугалась? Нет, обрадовалась. Как ее назвать? УО!

Мне захотелось схватить веник и со всего размаха наподдать Яковлевой. Я уже направилась к шкафчику, в котором хранится метла. Но тут из-под стула Кисы вылетела всегда скромная, нежная мопсика Муся, оскалила зубы и понеслась на старшую по подъезду с рычанием, которому мог бы позавидовать разъяренный лев. Зоя завизжала, вскочила и была такова.

— Что такое УО? — спросила Киса. — И почему надо бояться того, что замуж не выйдешь? Мне совсем туда не хочется. Если подумать, что лучше: муж или десять кошек, то второе очень даже предпочтительнее.

Мне не хотелось объяснять, что такое «умственная отсталость», и я пробормотала:

— Ну... понимаешь...

— Удачная осень, — выручила меня Краузе. — Соседка услышала про успех твоей картины и обрадовалась, сказала: «Удачная осень», а фразу «для тебя сегодня» она не договорила.

— Сейчас зима, — напомнила Киса.

— Соседища времена года путает, — не растерялась няня.

Я молча слушала их диалог. Сейчас все отличились, как могли. Пофигистка Фира описала ноги Зои, робкая, нежная Муся превратилась в аллигатора и пыталась порвать Яковлеву на лапшу, а няня называет противную тетку — соседища! И что самое интересное — я с ними со всеми солидарна. Понимаете, написать на лапы незваной гостьи мне как-то неудобно, укусить Яковлеву я тоже не могу, а приклеить неприятной особе кличку «соседища» не додумалась. В армии защитников Кисы я оказалась наименее креативным звеном.

— Вот бедная, — воскликнула Киса, — плохо, когда думаешь, что на улице лето, выйдешь, а там мороз! Может, мне тете Зое нарисовать календарик?

— Еще чего! — возмутилась Роза Леопольдовна. — Да такой, прости господи, надо по кумполу шваброй зачехучить.

— Что такое кумпол? — осведомилась малышка. — И зачехучить?

Я хотела вмешаться в увлекательную беседу, но тут опять позвонил Костин.

— Добралась наконец домой?

— Ой, — опомнилась я, — прости, сейчас посмотрю, где лежит визитка Крылова.

— Не надо, — остановил меня Володя.

— Э нет, — засмеялась я, — пойдешь как миленький к стоматологу.

— Вернись в офис, — попросил Вовка.

— Что случилось? — спросила я. — Подожди, у меня на второй линии Макс. Привет, милый.

— Лампудель, приезжай в контору, — велел муж, — мы с тобой умники, да и Костин со своими сотрудниками молодцы, все вакцинировались от гриппа и в строю. Но нашлись идиоты, прививочные диссиденты, они размахивали флагами: «Не пойдем на прививку». И что? Все, как один, по больницам разъехались, подцепили вирусную инфекцию, да еще в тяжелой форме. А дел полно! Подключайся. Костин ждет.

— Хорошо, — обрадовалась я, с нетерпением ждавшая, когда Вульф вызовет меня на службу, — уже лечу.

Глава вторая

— Меня зовут Джейн Кабанова, — хриплым голосом произнесла женщина, чей возраст с одного взгляда и не определишь, — на вашем сайте сказано, что у вас есть благотворительная программа для неимущих.

— Верно, — подтвердил Костин.

— Вы на самом деле можете работать бесплатно? — уточнила Джейн.

— Проблема оплаты — это прерогатива начальства, — объяснил Володя, который прекрасно мог сам решать любые вопросы, — в агентстве гибкая система скидок. Если к нам обращаются многодетные, инвалиды или те, у кого случилась беда, а денег даже на хлеб нет, то...

— Это про меня, — прошептала Джейн, — последние пару дней перед пенсией я сижу голодная.

Я внимательно посмотрела на посетительницу и решила, что она говорит правду. Рост у Джейн примерно метр семьдесят, а вес, похоже, меньше, чем у меня. Волосы она, вероятно, стрижет сама, ни один, даже совершенно криворукий парикмахер не «отгрызет» такую челку. Когда Кабанова вошла в комнату, на ней была пуховая куртка эпохи динозавров. Помнится, подобными шедеврами, из которых во все стороны торчали перья, некогда полнились московские рынки, стихийно возникшие у каждой станции метро. У меня тоже в гардеробе была такая, стоила дешево, продувалась со всех сторон, ни в одну химчистку ее не брали, поэтому я решила постирать красную куртку, опустила ее в воду, а вынула нечто серо-буро-малинового цвета в заковыристых узорах. И шапка Джейн — родная сестра пуховика: из толстой шерсти с узором «коса» на отвороте. А когда Кабанова повесила верхнюю одежду на вешалку, она осталась в заштопанном свитере и потертых джинсах,

сшитых гастарбайтерами в эпоху перестройки. Образ дополняли сапоги-дутики, остромодные до Великого потопа.

Володя спросил:

— Джейн, что вы предпочитаете? Чай? Кофе?

Клиентка хрипло рассмеялась.

— Кофе! Чай! Вкус этих напитков я давно забыла.

Костин нажал на кнопку в столе.

— Надя, принеси нам все! Ты правильно меня поняла? — Потом Вовка открыл ноутбук. — Что у вас случилось?

— Я не смогу заплатить, — опять предупредила потенциальная клиентка.

— Давайте просто поговорим, как друзья, — предложила я.

— Все друзья, когда деньги есть, нищета никому не нужна, — шмыгнула носом Джейн.

В комнату танцующей походкой вошла администратор. У меня отвалилась челюсть.

В детективном агентстве моего мужа Макса Вульфа существует дресс-код. Он нестрогий и разный для разных категорий служащих. Понятно, что детектив не может постоянно ходить в костюме, порой ему нужно изобразить бомжа. К компьютерщикам тоже не придираются, всем ясно, сколько их ни бей, они все равно явятся на работу в старых джинсах, футболках, растянутых свитерах и не очень чистых ботинках. А эксперты, работающие в лабораториях, всегда в халатах, белых комбинезонах,

бахилах. Самые жесткие требования предъявляются к девушкам на ресепшен первого этажа и к администраторам разных отделов. Они обязаны носить юбки-карандаш длиной за колени, туфли на небольшом каблучке, блузку и пиджак.

Но Надежда никогда не соблюдала правил. Сегодня она вырядилась в красную кожаную мини-юбку, которая больше походила на широкий пояс, белую кофту меньше размера на два, с вырезом почти до пупка, и белые ботфорты. На столь роскошную даму мужская часть присутствующих отреагировала по-разному. Психолог Константин Львович Энтин закашлялся, чтобы никто не понял, что он умирает от смеха. Эксперт Миша Вуколов окинул оценивающим взглядом ноги Нади и определенно решил, что внутренняя сторона бедра недостаточно проработана в фитнес-зале. Компьютерщик Николаша не заметил Надю, Махонина в этой жизни интересуют только гаджеты и все, что с ними связано. Костин на секунду оторопел, потом сказал:

— Благодарю вас.

Администратор поставила поднос, полный вкусностей, на стол, развернулась и походкой от бедра проследовала на выход.

— Угощайтесь, — радушно предложил Вовка, — и рассказывайте.

Джейн схватила в каждую руку по бутерброду, начала жадно есть и одновременно излагать свою проблему.

Джейн никогда не была замужем. Ей на жизненном пути попадались безответственные парни, которые не желали связывать себя узами брака. А Кабановой очень хотелось получить колечко на пальчик. Когда очередной кавалер после нескольких месяцев страстной любви сбежал в неизвестном направлении, одна из соседок посоветовала Джейн:

— Ты забеременей, роди малыша. Тогда мужик не отвернется.

То ли советчицу природа одарила умом гусеницы, то ли она терпеть не могла Джейн, но ничего хорошего у Кабановой не вышло. Из союза по залету может получиться счастливая семья, но для этого женщине потребуется приложить массу усилий, порвать километры нервов и запастись терпением монаха. Кто-нибудь из вас пытался насильно запихнуть в комнату собаку не очень крупной породы? Ну, например, мопса? Когда я пытаюсь изолировать Фиру и Мусю в своей спальне... Ну, например, когда Киса простудилась, пришел врач, не стоит псинкам вертеться у него под ногами. Вот всякий раз, когда я хочу заставить мопсик сделать то, что им не по нраву, они сопротивляются так отчаянно, что я превращаюсь в потное, растрепанное, безумное чудовище. Понимаете? Даже собаку сложно принудить к чему-либо. А уж загнать в капкан мужика! Он тоже будет цепляться руками и ногами за косяки, а зубами за свою свободу. Зачем рожать от того, кто вас не любит? Отпустите жертву, пусть убега-

ет. Найдете свое счастье в другом месте. Но Джейн последовала совету тетушки, на свет явился мальчик. А что его отец? Он сбежал, пока молодая мать лежала в роддоме.

Кабанова осталась одна с малышом, которого хотела назвать Себастьяном. Как это имя пришло ей в голову? Ну, не стоит задавать бесстолковых вопросов. В загсе Джейн отговорили регистрировать младенца под «ненашенским» именем, и в конце концов он стал Сережей. Рос ребенок как все. Ясли — детский сад — школа. Тихий малыш, нешумный первоклассник, бесконфликтный подросток. Джейн считала себя образцовой матерью. Сергей голым не ходил, дома ужинал чем бог послал, днем ел в школе, учился на одни пятерки. Что еще надо?

Когда однажды летом сын не пришел домой ночевать, мать не забеспокоилась. Деревенька вблизи столицы, где жила семья Кабановых, никогда не упоминалась в криминальных новостях. Тихое и, несмотря на близкое соседство Москвы, провинциальное место. Джейн решила, что Сережа остался ночевать у кого-то из друзей, и спокойно пошла с очередным кавалером в кино. Лето на дворе, каникулы, ясное дело, дети хотят нагуляться. Утром прибежит.

Но Сережа не появился и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. Мальчик просто исчез. Сгинул без следа. Конец истории.

Джейн посмотрела на меня.

— Понимаете?

Я кивнула.

— Вы пошли в милицию?

Посетительница махнула рукой.

— Там сначала ничего делать не хотели, но потом заявление приняли. А дальше что? Не знаю. Через несколько лет мне сказали: он умер.

— Нашли его останки? — уточнил Энтин.

Я удивилась. Константин Львович, как правило, очень деликатен, а тут будто топором рубит.

— Нет, — возразила Джейн, — мне объяснили: когда о ребенке несколько лет нет сведений, значит, он мертв.

— Ясно, — пробормотал Костин, — если вы хотите, чтобы мы отыскиали вашего сына...

— Да, да! — воскликнула Кабанова.

Володя побарабанил пальцами по столу.

— Джейн, сколько лет могло бы исполниться сейчас Сергею?

— Тридцать четыре, нет, уже тридцать пять, — сообщила мать.

— А пропал он подростком, — решил выручить Вову Энтин. — Документы мальчика где?

— У него только метрика была, она дома осталась, — насупилась Джейн, — я знаю, что он жив. Его зовут теперь Сергей Николаевич Решеткин. Я принесла вам все на блюдечке. Только докажите, что этот Решеткин мой любимый Сереженька!

— Почему вы решили, что Решеткин ваш сын? — удивилась я.

— У него мизинца нет на левой руке, — ответила Джейн, — я смотрела вечером телевизор, бизнес-канал. Там интересные интервью показывают, не глупость всякую. Ведущий и гость сидят за столом, руки сверху лежат, камера их часто показывает, поэтому я хорошо рассмотрела кисть Сергея. Сын мизинец в детстве потерял, обо что-то обрезался, лет ему тогда вроде десять было, примчался домой, слезы льет, потерпеть не мог. Я отвела мальчика к фельдшеру, тот рану зашил, рубец остался. Я как увидела руку Решеткина, так вздрогнула! Это точно Сережа! Сомнений нет! Он! И мне приснился сон!

— Сон, — повторил Михаил и не смог скрыть улыбки.

— Зря смеетесь, молодой человек, — мигом отреагировала Джейн, — меня многие знают как предсказательницу! Не счесть людей, которым я помогла. Я вижу вещие сны! Приходит ко мне человек, сообщает о своей проблеме. Вечером я засыпаю и вижу, как ему помочь. Ясно. Четко. Никогда не ошибаюсь. Я вещая сновидица. В ночь перед тем днем, когда я на экране увидела Сереженьку, мне приснилось, будто я сижу дома, и входит сын. Он взрослый, бросается ко мне: «Мама, я тебя нашел». — Джейн обвела нас торжествующим взглядом. — Мне стало понятно: Сереженька жив, завтра я непременно его увижу! — Гостья зевнула. — Устала я что-то. Прямо с ног валюсь.

— Устраивайтесь на диване, — радушно предложил Энтин, — на стуле неудобно.

Кабанова пересела на диван, потом легла и... захрапела.

— Интересная история, — вздохнул Костин, — не знаю, как насчет вещих снов, но рулады она выводит музыкальные.

— Похоже, дама и впрямь ничего не ела, — заметил Энтин, — а сейчас угостилась, и ее сморило. Надо деликатно разбудить Джейн.

Глава третья

Когда Кабанова ушла, унося с собой пакет с бутербродами и печеньем, Володя scomандовал:

— Николаша!

Гениальное дитя компьютерных технологий уронило на клавиатуру очки, взяло со стола другие, водрузило на нос и возмутилось:

— Кто лапал очки? Все стекла жирные, ни фигашечки не видно.

— Николенька, — ласково произнес Энтин, — ангел наш, ты взял не те окуляры. Твои висят у тебя на шее на очень прочной цепочке.

— Да уж, — ухмыльнулся Миша, — на такую только Полкана сажать.

— Зато она не порвется, — сказал Константин Львович, — для Николеньки надежность превыше гламура.

— На цепочке? — изумился Махонин и стал ощупывать на груди свой выдавший виды свитер, — у меня ее вообще-то не было.

— Я купил, мой ангел, специально для спасения твоих вторых глаз, — объяснил Энтин, — и повесил на твою гордую выю. А ты и не заметил.

Николаша встряхнулся, перестал себя охлопывать и воскликнул:

— Константин Львович, я этого от вас не ожидал. Ну, честное слово. Ну ладно Миша, ну ладно Лампа или Костин, они что угодно скажут и не поперхнутся. Но вы! Профессор! Умный. Столько всего знаете, просто компьютер. И такое!

— Спасибо, дружок, за весьма лестное для меня сравнение с твоим любимым ноутбуком, но что тебя возмутило до глубины души? — спросил психолог.

— Выя, — прошептал парень, — не думал, что вы можете при всех нецензурно ругаться.

— Выя — это шея, недоросль, — пояснил Михаил.

— Совершенно верно, — обрадовался профессор. — Николенька, странно, что вы сие слово не знаете. Оно использовалось всеми писателями восемнадцатого века, уж не говорю о тех, кто жил ранее. У Державина есть прекрасная ода...

— Константин Львович, не распинайтесь, — ухмыльнулся Вуколов, — Николаша компьютерный гений, а в остальном обычный идиот.

Костин постучал карандашом по столу.

— Николай, нацепи очки, которые висят у тебя на груди, и докладывай, что успел нарыть, пока мы вели беседу.

— Евгения Ивановна Кабанова, — зачастил Махонин, отличающийся редкой незлобивостью, — он совершенно не собирался отвечать по достоинству Вуколову, который обозвал его идиотом.

— Имела сына Сергея, которого признали умершим, — продолжал Николаша. — Работала заведующей сберкассой в городке Новопрудинск. Проживала в селе Горяево, улица Красноармейская, дом один, частное владение. Потом перешла в коммерческий банк, где стала начальником отдела выдачи кредитов. На этой должности прослужила много лет. Сейчас является внештатным финансовым консультантом все того же банка. Не замужем и никогда туда не ходила.

— Эй-эй, ты нам про кого рассказываешь? — спросил Миша.

Николай изумился.

— Про Джейн. А про кого надо?

— Уж точно не про какую-то Евгению Кабанову, — возмутился Вуколов.

Махонин засунул ладонь в волосы и поставил их дыбом.

— Мишаня! Джейн — это кличка, наверное, ее так называют друзья. Или она сама себе красивое имечко придумала. По документам наша клиентка — Евгения Ивановна Кабанова.

Вуколов решил стоять на своем:

— Она нам паспорт не показывала. Как ты узнал ее имя-отчество? На лбу у нее увидел?

Николай показал пальцем на ноутбук.

— Он фотографирует посетителя, снимок загружается в программу, та выдает всю инфу, которая есть на этого человека. Проще только банан съесть.

— Знаю, что ты редко ошибаешься, — вступила я в беседу, — но внешний вид Кабановой просто кричит о нищете, и ела она как изголовавшаяся дворняга. А ты говоришь: заведующая сберкассой, начальник отдела в банке, финансовый консультант... Человек на таких должностях и при коммунистах, и при капиталистах получает приличную зарплату.

Энтин сказал:

— Полагаю, что она и сейчас неплохо зарабатывает. Николаша, сообщи нам подробности о доме, в котором нынче проживает уважаемая Евгения Ивановна.

— Местожителство Кабанова никогда не меняла, — заговорил Махонин. — Участок в семьдесят соток принадлежал ее отцу, местному председателю сельсовета. Надел граничит с опушкой леса, мимо никто не ездит и не ходит. Папаша при жизни построил деревянный коттедж, маленький, площадь — сто пятьдесят квадратов.

— Для советских времен это огромное жилье, — протянул Энтин.

— В две тысячи первом Джейн построила каменный особняк, пятьсот квадратов, — про-

должал Николаша, — теперь на участке два дома. Старый переоформлен как хозпостройка. Еще у Джейн четыре квартиры в Москве. Одна на Старом Арбате, пятикомнатная, куплена семнадцать лет назад. И три в Куркине, приобретены в том году, когда район только начинал строиться. Поэтому апартаменты куплены по низкой цене, которую предложили на стадии нулевого цикла. Или она сама такая умная, правильно деньги вложила, или ей кто-то подсказал. Сейчас все квартиры сдаются, а Евгения честно платит налоги.

— Господи, — изумился Костин, — зачем тетка прикидывается нищей? Жалуеться, что не доживает до пенсии, голодает?..

— Она и правда существует на пенсию, — остановил Володю Энтин.

— Константин Львович, вы что, не поняли? — изумился Миша. — У бабы денег куры не клюют.

— Мишенька, это называется синдром Гарпагона, — объяснил Энтин, — болезнь получила название по имени героя пьесы Мольера «Скупой». Гарпагон — персонаж, олицетворяющий патологическую скупость, его имя стало нарицательным. Главное в жизни Джейн — накопительство. Деньги она копит. Живет на пенсию. У каждого человека есть запас любви, размер его разный. У одного, как у матери Терезы, его хватает на весь мир, у другого только на что-то одно. Евгения обожает деньги. Лампа вздрогнула, когда я специально резко и прямо

спросил: «Останки нашли?» Любая женщина, которая любит свое дитя, а матери не перестают любить даже умерших, от столь неделикатного вопроса заплакала бы, потому что я напомнил ей о самом ужасном событии в ее жизни — пропаже ребенка. Как это ни странно, но матери лучше знать, что сын мертв, она его похоронила, знает, где могила, куда можно прийти посадить цветы, поплакать. А у Джейн самая тяжелая ситуация: неизвестность. Она ничего не знает о судьбе Сережи. И какова была ее реакция?

— Спокойный ответ: «нет», — пробормотала я, — похоже, ей это все равно.

— Именно так, — согласился Энтин, — вспомним скупой рассказ госпожи Кабановой об исчезновении сына. Не пришел домой? Завтра появится. Отнесла заявление в милицию, а там ничего не сделали. Ну, значит, так. Лично я о своем коте больше беспокоюсь.

— И с какой целью эта жадина-говядина пришла к нам? — недоумевал Михаил.

— Чтобы мы доказали, что Сергей Николаевич Решеткин ее любимый Сереженька, — ответил психолог. — Полагаю, что вышеупомянутый мужчина богат. Поэтому в сердце Джейн расцвела любовь к деньгам сына.

— Решеткин, — начал Николай, — тридцать пять лет. Совладелец частной клиники и фитнес-клуба. По образованию врач. Работает в своей же больнице. До списка в журнале Форбс пока не дорос, но уже стоит в прихо-

жей. Не женат, детей нет. О личной жизни ничего не известно. Не любитель тусовок. Ведет правильный образ жизни, активно занимается спортом: теннис, горные лыжи, сноуборд, плавание. Прописан в квартире своих родителей в центре Москвы. Отец — Николай Викторович Решеткин, врач, доктор наук, академик, светило по линии неврологии. Несмотря на солидный возраст, активно работает, руководит своим медцентром, в совладельцах бизнеса у него сын Сергей. Мать — Алевтина Семеновна Решеткина, бывшая балерина. Не звезда, но вполне успешная, когда-то танцевала в Большом театре, ей доверяли сольные партии второго плана. Ушла на пенсию в положенном для танцовщиц возрасте, открыла балетную школу, до сих пор ею руководит, там же и преподает.

— Ну и с какого боку Сергей сын Джейн? — хмыкнул Михаил. — У тети мозг давно поплыл от жадности. А сейчас он еще и вытек.

— Кабанова объяснила: «Узнала сына по отсутствию мизинца», — заметила я. — Думаю, нам надо поговорить с Сергеем Решеткиным.

Глава четвертая

Подойдя к своему подъезду, я увидела на доске объявлений лист бумаги с текстом: «Милостивые господа и государыни. «Институт хороших манер юных княгинь» объявляет набор учениц, девочек семи-девяти лет, для обучения всему, что должна знать истинная маленькая

княгинюшка. Как правильно вести себя за столом, разговаривать со взрослыми, красиво ходить, танцевать, петь, хорошо учиться в гимназии, шить, готовить — всему этому девочки научатся у нас. Внимание. Принимаем только лиц женского пола. Наш адрес...»

Я прочитала объявление, увидела, что сие учебное заведение находится в минуте ходьбы от нашего дома, и предложила Кисе:

— Давай зайдем, посмотрим, вдруг там интересно.

— Ладно, — без особого энтузиазма согласилась малышка.

— Потом куплю тебе мороженое, — пообещала я.

Киса мигом повеселела.

— Супер! Только в «Доггине-Боббине», а не в супермаркете.

Идти в торговый центр мне не хотелось. Да, он расположен недалеко, но надо воспользоваться подземным переходом, чтобы перейти улицу...

— «Доггин-Боббин», — запела Киса и побежала вперед.

— Подожди меня! — крикнула я.

— Догоняй! — завопила Кисуля, в ту же секунду поскользнулась и шлепнулась в грязь.

— Ну вот, теперь останешься без пломбира, — вздохнула я, — пошли домой.

— Почему? — удивилась Киса, вставая.

— Ты вся перепачкалась, — пояснила я, — в таком виде неприлично куда-либо идти.

— Почему? — повторила малышка.

— Грязные колготки, юбка, — перечислила я.

— И что? — заморгала Кисуля.

— Мы хотели посмотреть, что такое институт хороших манер, — напонила я.

— Так пошли, — скомандовала Киса.

— Но юбка, — повторила я, — она испачкана. Впрочем, остальные вещи тоже.

— И чего? — удивилась девочка. — Я-то в одежде внутри чистая. Глазами о дорогу не стукнулась, все хорошо вижу. И почему в испачканных колготках нельзя зайти в этот институт? Там вообще кто нужен? Девочка или ее чулки?

Я вздохнула. Кисуля вытащила из кармана упаковку бумажных платков и начала растирать ими грязные пятна по своей одежде.

— Смотри, вот и нет ничего. Между прочим, с детьми нельзя так жестоко поступать. Сначала ты пообещала мне мороженое из «Догги», а теперь передумала.

Киса начала шмыгать носом, по ее щекам поползли слезы.

— Ладно, ладно, — сдалась я, — пошли.

Малышка вытерла мордочку рукавом куртки.

— Киса! — возмутилась я. — Разве ты не слышала про носовой платок?

— Я истратила их все, пока юбку чистила, — горестно сказала девочка, — дай свои.

Я порылась в недрах сумки, ничего похожего на бумажные салфетки не нашла и пробормотала:

— Э... э... ну...

— У тебя их нет, — запрыгала Киса и понеслась вперед, распевая: — Догги, Догги, малиновый Поги, сливовый Рогги, вишневый Тоги!

— На такое количество пломбира даже не рассчитывай, — на всякий случай предупредила я.

— Вот наверняка твоя мама давала тебе без разговоров целый мороженный торт! — крикнула Киса.

Я рассмеялась.

— Ох, нет. До семи лет мне вручали творожный сырок в глазури, втыкали в него палочку и говорили: «Это эскимо».

Малышка остановилась.

— И ты верила?

Я кивнула.

— Да, потому что везде ходила с мамой, а она ухитрялась очень быстро пробежать мимо будок с мороженым. Но когда я пошла в школу, то, конечно, узнала правду. Мне стали покупать сливочное с вафлями. Мамуля снимала вафли, давала их мне, отрезала кусок пломбира, укладывала его в кастрюльку и ставила на плиту. Когда белая масса таяла, я получала ее вместе с чайной ложкой.

Киса вытаращила глаза.

— Теплой?

Я кивнула.

— Главное в этом десерте — холод, — тоном гурмана заявила девочка.

— У моей мамы было другое мнение на сей счет, — сказала я.

Киса бросилась мне на шею.

— Лампуша! Какое у тебя ужасное детство! Мне так тебя жалко! Хочешь, когда придем в «Догги», я отдам тебе всю свою порцию?

Я прижала к себе малышку.

— Спасибо, солнышко. В кафе мороженого хватит на всех. Ты ошибаешься, у меня были самые лучшие папа и мама. Мы пришли, нажимай на звонок.

Дверь нам отворил швейцар, самый настоящий, таких я видела только на иллюстрациях в книгах и в кино: человек средних лет в красном длинном пальто с золотыми пуговицами и в странной шляпе.

— Добрый день, — прогудел он густым басом, — по какому поводу вы пришли в институт хороших манер?

— Увидели объявление, — закричала Киса, — захотели посмотреть!

— Разрешите вашу одежду, — улыбнулся страж дверей, — вам налево в актовый зал, экзаме́н там.

— Экзамен? — хором спросили мы.

— Конечно, — ответил швейцар, — абы кого княгиня Буравенская не возьмет, только лучших из лучших, самых достойных, умных, воспитанных...

— Зачем им в институт хороших манер? — справедливо удивилась Киса. — Они и так

уже все знают. Лампа, меня сюда не возьмут, пошли домой.

И тут перед нами словно из-под земли выросла женщина.

— Добрый день, рады вас видеть. Хотите стать нашими ученицами? Маму не возьмем, она взрослая, а девочку с радостью.

— Мы не готовились к экзамену, — призналась я.

— Вы о чем? — спросила дама.

— Нам сказали, что надо идти в актовЫй зал, там какие-то экзамены, — ответила я.

— Кто поведал вам сию информацию? — изумилась собеседница.

Киса показала пальцем на швейцара.

— Он!

— Поскольку здесь нет никого, кто мог бы нас познакомить, — запела соловьем дама, — я сама представлюсь. Княгиня Агнесса Ильинична Буравенская, основательница института.

— Евлампия Романова, — представилась в свою очередь я.

— Киса, — пропищала малышка.

— Романова, — повторила Буравенская, — царская фамилия.

— Моя семья никак не связана с домом Романовых, — возразила я, — скорей всего, кто-то из предков был у них в крепостных. Крестьян часто записывали по фамилии барина.

— Покажите кисть вашей руки, — попросила Буравенская.

Я удивилась, но выполнила ее просьбу.

— Сейчас можно купить любой титул, — усмехнулась Агнесса Ильинична, — если щедро заплатите, получите родословную от Рюриковичей. Но происхождение выдают руки. Широкая ладонь, толстые пальцы, короткие ногти некрасивой формы, — все это свидетельство того, что предки на протяжении столетий занимались грубой физической работой. А я вижу узкую кисть, «музыкальные» пальчики, длинные ногти овальной формы, тонкую кожу, под которой просвечивают вены. Нет, дорогая, ваши деды играли в шахматы, стреляли дичь, читали книги, а бабушки вышивали, вязали для своего удовольствия, играли на клавесине.

— Я окончила консерваторию по классу арфы, — зачем-то разоткровенничалась я, — мама была певицей.

— Замечательно, — восхитилась княгиня, — руки всегда говорят правду. Оставьте девочку на пробное занятие, возвращайтесь за ней через три часа. Никаких экзаменов у нас нет. Василий Петрович перепутал. Пусть малышка осмотрится, поймет, нравится ей у нас или нет.

— Три часа, — повторила я, — мы хотели после института поесть мороженого.

— «Догги» открыт круглосуточно, — подпрыгнула Кисуля, — я останусь. Из простого человеческого любопытства!

— Вот и хорошо, — одобрила Буравенская. У меня зазвонил телефон.

— Извините, надо ответить, — сказала я и отошла за гардероб. — Да, Вова, что случилось?

— Сергей Николаевич Решеткин был усыновлен, — ответил Костин, — такие сведения закрыты, но для Николаши преград нет.

— Сейчас приеду, — пообещала я.

Глава пятая

На следующий день рано утром, когда Киса завтракала перед уходом в школу, я тоже села за стол, стукнула по яйцу ложкой и начала очищать скорлупу.

— Так поступают только плохо воспитанные дети, — неожиданно сказала девочка.

Я откусила верхушку яйца и удивилась.

— Ты о чем?

— Вчера в институте первое занятие посвящалось теме «Как едят воспитанные дети», — объяснила Киса. — Там было много заданий. Мы их разбирали. Яйцо нельзя лупить ложкой!

Я заморгала.

— А как его нужно есть?

Киса подняла указательный палец.

— Изложи твои варианты, пожалуйста, все.

— Постучать яйцом по столу или покатать по нему, — начала я, — и... больше ничего в голову не приходит.

Киса нахмурилась.

— В каждом приличном доме должен быть колщик яиц.

Я с трудом сдержала смех.

— Солнышко, где мы его поселим? Конечно, квартира у нас большая, есть пара свободных комнат. Но я не уверена, что Макс придет в восторг, если здесь поселится человек, в чью обязанность входит разбивание по утрам скорлупы яиц. И чаще всего мы едим глазунью.

Киса закатила глаза.

— Мрак и туман! Колщик не мужчина, а предмет. Им обрушивают дом.

— Какой дом? — не поняла я.

— Мрак и туман! Скорлупа — дом, яйцо в нем живет. Колщик рушит дом красиво, по-дворянски. Бить им о стол это... э... сейчас... слово забыла... фо... фо... фотопопа!

Я чуть не подавилась куском сыра.

— Фотопопа?

— Да, — кивнула малышка, — хорошо воспитанные дети никогда не делают фотопопу. А верхушку скусывают только крокодилы, но их в приличный дом не пустят.

— И как положено есть яйцо? — поинтересовалась я.

— В каждом интеллигентном доме есть резчик, он снимает верхушечку, — пояснила Киса.

— Всем привет, — сказал Макс, входя в столовую. — Кисуня, чего такая грустная?

— Не успела поприветствовать тебя так, как следует воспитанной девочке, — пригорюнилась малышка.

— Хочешь, я еще раз войду? — предложил Вульф.

— Это будет весьма мило с твоей стороны, — сказала Киса.

Макс, старательно удерживая на лице серьезное выражение, вышел в коридор и крикнул:

— Сообщи, когда будешь готова.

— Конечно, любимый папочка, — ответила Кисуля и зашептала: — Хочешь, я тебя научу, как правильно приветствовать главу дома?

Я забыла про яйцо.

— Давай!

— Эта штука называется... — начала малышка, — ну... э... ну... каниксан! Смотри очень внимательно. Одна нога впереди, другая сзади, передняя медленно сгибается, задняя опирается на носок. Пятка первой ноги находится на одной линии с носком второй. Спина прямая, голова опущена. Но не висит на груди. Руки изящно согнуты в локтях. Мы приседаем и хором произносим: «Гутен морген тебе, дорогой наш пэр!»

— Вы готовы? — крикнул Макс. — Кушать хочется.

— Да, — ответила Киса и присела в реверансе. — Лампа, ну же.

Я поставила правую ногу перед левой.

— Продвинь сгибаемую ногу вперед, — зашептала малышка. — Мрак и туман! Лампа, не молчи. Наш дорогой...

— Пэр! — выкрикнула я и свалилась на пол.

— Это мое самое лучшее утро, — расхохотался Макс, — хочу, чтобы каждый день было

так! Лампуша, сама можешь встать? Или тебя поднять?

— Сама поднимусь, — прокряхтела я.

Вульф, ухмыляясь, сел за стол.

— Хорошо воспитанная девочка никогда не падает в каниксане, — заявила Киса.

— Книксен! — осенило меня. — Реверанс.

— Ну да, — кивнула Киса, — я так и говорю, каниксан. Папа, гречневую кашу не едят ложкой. Хорошо воспитанная девочка так не делает.

— Я мальчик, — возразил Вульф. — А чем гречку положено есть?

— Гречевниками, — заявила малышка. — Вот у нас дома какие столовые приборы?

— Обычные, — ответила я, — вилки, ножи, ложки.

— А габели? — спросила Киса.

— Габели, — хмыкнул Макс, — мудреное словечко.

— В интеллигентном доме вилок нет. В нем есть габели. Вилками пользуются в тех семьях, где грызут семечки, — отрезала Киса. — Габелей более ста видов. А у нас их сколько?

— Два, — робко ответила я, — большие, маленькие, ну, еще твои детские, старые. Не выбрасываю их из ностальгических воспоминаний.

— Это размеры, — поморщилась малышка, — а я про виды! Есть рыбогабели, мясogaбели, тортогабели. Лампа, нам надо съездить в магазин «Товары для настоящих дворян»

и хоть что-нибудь там купить. А то гости придут, а мы правильно стол не накроем.

— Киса, ты готова? — закричала из прихожей Краузе. — Я уже пришла.

— Ой! Чуть не опоздала в школу! — подпрыгнула малышка, кинулась к двери, но притормозила у порога, обернулась, сделала книксен и пропела:

— Гран мерси, маман и папан, за чудесный завтрак. Вот. Едва не ушла без интеллигентного «спасибо» родителям. Прямо фотопопа назревала!

— Что это было? — оторопел Макс.

— Киса вчера сходила на пробный урок в институт хороших манер юных княгинь... — начала я.

И тут в комнату опять влетела Киса.

— Маман и папан, ауф... э... э... забыла! Слово забыла! Сегодня опять на занятия пойду. Меня приняли в пенсионерки! Княгиня берет только пять девочек. Маман и папан... ауф... ауф... Ну почему я забыла? Это жуткая фотопопа. Как прощаться интеллигентно? Ауф... вер...

— Ауфвидерзеен, — подсказал Вульф.

— Ой, точно, — обрадовалась малышка, — мерси, папан!

Когда Киса умчалась в прихожую, Макс стал давиться смехом.

— Немедленно прекрати, — зашипела я, — ребенок обидится.

— Папан в шоке, — простонал Вульф, — сейчас скончаюсь. Ваши реверансы выглядели восхитительно. Лампа, ты так интеллигентно-воспитанно шлепнулась на пол. Падение поразило меня своей грациозностью! Слушай, почему Кисуля говорит: «Мрак и туман»?

— Не знаю, — ответила я, — выясню сегодня вечером. Меня еще интересует, что такое фотопопа?

Макс рухнул головой в тарелку.

— Умираю! Воды! Институт хороших манер юных княгинь! Магазин «Товары для настоящих дворян». Ее приняли в пенсионерки. Сейчас скончаюсь.

— Мне и в голову не могло прийти, что Кисе там так понравится, — недоумевала я, — она изо всех сил старается применить на практике полученные на уроке знания. Ну, перепутала девочка слова «пансионерка» и «пенсионерка», ничего страшного.

— Попрошу Николашу проверить это учебное заведение и его владелицу, — пообещал Макс, — если там все чисто, то пусть Киса ходит, скоро ей надоеет реверансы делать. Съездите в этот магазин, купите ей пару нужных габелей. Ненадолго сия история. Я пока ничего плохого в этом не вижу. Научится есть ножом и вилкой, уже хорошо. Короче, папан собрался в офис. А маман?

— Едет к академику Решеткину, отцу Сергея, — отрапортовала я.

Глава шестая

— Вы не похожи на детектива, — сказал Николай Викторович.

— А как, по-вашему, должна выглядеть женщина-сыщик? — спросила я.

— Никак, — вздохнул Решеткин, — некоторые профессии нужно оставить мужчинам.

— Если я не ошибаюсь, то первой женщиной, которой разрешили учиться на врача, стала в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году Надежда Суслова, — напомнила я, — до нее в эту профессию принимали только мужчин.

Николай Викторович поднял руки.

— Тушэ¹. Что привело вас ко мне? При беглом внешнем осмотре никаких неврологических проблем у вас я не заметил. Кто болен? Муж? Отец?

— Супруг здоров, папа давно умер, — ответила я, — мой визит связан с вашим сыном.

— С Сережей? — изумился академик. — Что случилось?

Я рассказала о визите Джейн, лицо Николая стало хмурым.

— Да, у Сережи нет мизинца. Но он не помнит, где, когда и как его потерял. Если рану мальчику зашил врач, то голову ему надо оторвать. Следовало сделать операцию, исправить безобразие, но... Хорошо, давайте по порядку.

---

¹ Тушэ (toucher, фр.) — в фехтовании колющий удар, нанесенный в соответствии с правилами.

Вы угощайтесь кофейком, у нас его вкусно варят.

Я взяла чашку, а Николай Викторович завел рассказ...

Более двадцати лет назад Решеткин организовал комиссию по проверке детских домов, куда отправляли детей с психиатрическими проблемами. Сподвигло его на это письмо воспитательницы такого интерната. Она сообщила об ужасных условиях, в которых живут несчастные ребята, о том, как над ними издеваются взрослые, о краже продуктов, постельного белья, о карцере...

Возмущенный до глубины души Николай, тогда уже академик, свалился на не ожидавшую ничего подобного заведующую. Поскольку ее не предупредили о визите комиссии, в интернате не успели создать «потемкинскую деревню», и проверяющие убедились в правдивости доклада воспитательницы.

Разозленный до предела Решеткин пригрозил заведующей тюремным сроком, а ее прихлебателям — розгами на Красной площади. Потом он решил сам осмотреть каждого воспитанника, отделить детей с настоящими психиатрическими проблемами от тех, у кого были нарушения поведения, связанные со стрессом, травмами, педагогической запущенностью. Николай несколько дней приезжал в проклятое место со своими сотрудниками. Последним пациентом стал мальчик, который его заинтересовал.

— Как тебя зовут? — спросил академик.

— Я сам думал над этим вопросом, — ответил подросток, — вроде Сережей. Про фамилию не спрашивайте. Она затерялась в омуте незнания. Я словно Фродо, бреду в тумане, только кольца нет.

— Ты читал книги Джона Толкиена? — удивился Решеткин.

— Да, — оживился мальчик. — А вы?

У доктора с пациентом завязался разговор, в процессе которого Решеткин понял: мальчик умен не по годам, по развитию обгоняет детей своего возраста, рассуждает, как взрослый, у него есть моральные принципы. С ним было интересно общаться. Сергей прочитал тьму книг.

Поскольку парень находился в психоневрологическом интернате, в документах у него был указан диагноз олигофрения и что он сирота, Николай осторожно осведомился:

— Где ты брал литературу?

Сережа задумался.

— Логично предположить, что в библиотеке.

— Дома? — уточнил врач.

— Не помню, но думаю, нет, — ответил мальчик, — слово «дом» не ассоциируется у меня с книгами.

Поскольку подросток не занервничал, услышав последний вопрос, Николай продолжил:

— Что ты помнишь из своего прошлого?

Сережа потер лоб ладонью.

— Вода. Я тону. Это все.

— Река? — уточнил академик.

— Не знаю, была вода, — повторил парень, — но раз я сейчас с вами беседую, то я не захлебнулся...

Николай Викторович отвернулся к окну и сказал:

— Даже при беглом осмотре мне стало понятно, что ни о какой умственной отсталости в этом случае речи нет. Почему мальчик оказался в психоневрологическом интернате? Я спросил у него:

— Как тебе здесь живется?

Честно говоря, я ожидал услышать рассказ о неприятностях, побоях, голоде, обо всем, о чем говорили те, с кем я ранее беседовал, воспитанники, которые могли внятно разговаривать. Сергей меня удивил, он ответил:

— Интернат очень старый, говорят, ему более ста лет. Здесь есть библиотека, я случайно ее обнаружил, искал место, где можно посидеть в одиночестве, подумать о жизни, набрел на запертую дверь, открыл ее и увидел длинный коридор. Интересно?

Я кивнул, он продолжил:

— Пыль там лежала толстым слоем, двери вели в разные комнаты... Я понял, что здесь раньше чья-то квартира была. В ней много чего осталось: мебель, занавески, картины, посуда. А потом распахиваю очередную дверь. Библиотека! Я нашел там такие книги! Невероятные! Еще дореволюционные, с ятями, фитой. Тут после завтрака можно делать что хочешь,

главное, не шуметь, не бегать. И я бросился к полкам. Кресло удобное там стояло. Сажу, читаю. Вот же повезло. Хотите, покажу вам библиотеку?

Рассказ меня удивил, насторожила фраза про то, что он открыл запертую дверь, и я спросил:

— Как же ты с замком справился?

Сережа засмеялся.

— У Жюль Верна научился. В его романе «Таинственный остров» написано, как отмычку сделать.

Все мои подозрения насчет принадлежности паренька к криминальной среде отпали разом. Ну и что теперь делать с юным книгочеем, который с недетским смирением отнесся ко всему, что с ним случилось? И, главное, что именно с ним произошло?

Николай Викторович покачал головой.

— Запал мальчик мне в душу, я стал выяснять его историю, она оказалась непростой. Один человек в начале августа отправился в лес то ли за грибами, то ли за ягодами. И на опушке увидел подростка, тот лежал в траве. Мужчина, уж не помню, как его звали, попытался поговорить с ним, увидел, что реакции нет, и совершил христианский поступок: отнес паренька в свою машину и доставил в больницу. Никаких документов при мальчике не обнаружили. Из одежды на нем была какая-то рваная. То ли он был бомж, то ли так долго бродил по лесу, что весь обтрепался. Понятное дело,

врачи связались с милицией. Приехал сотрудник, побеседовал с подростком в присутствии доктора. Разговор был примерно такой.

- Как тебя зовут?
- Не знаю.
- Где ты живешь?
- Не помню.
- Кто твои родители?
- Не знаю.
- Ходишь в школу?
- Не помню.

Николай Викторович стукнул ладонью по столу.

— На основании сего диалога великий невролог, а заодно и психиатр, психолог, невропатолог, может, в придачу еще хирург и гинеколог, врач из местной богом забытой больницы сделал вывод, что перед ним олигофрен. Вот просто так сразу решил. Глаз-ватерпас был у специалиста, он всех профессоров умнее. Вот так с ходу: олигофрен! Паренька подлечили. Воспаление легких у него было, синяки по всему телу. Но он не наркоман и точно не алкоголик. Был недобор веса, значит, не особенно сытно питался. Из медучреждения его определили в интернат. Там он сказал, что, наверное, его зовут Сергеем. Так и записали. Фамилию дали Потапов. Почему? А спросите у них! День рождения придумали, год установили навскидку — лет двенадцать. О методиках выяснения точного возраста подростков тамошние «великие» медики и не слышали. Лев Выготский

справедливо заметил: «Проблема возраста не только центральная для всей детской психологии, но и ключ ко всем вопросам практики». Но трудов Выготского, который опередил свое время, соединил педагогику с психологией, в той клинике никто не читал. Милиция тоже не усердствовала, сотрудники сочли подростка бродяжкой. Каков был результат совместных усилий врачей и следователей? Отправка паренька в психоневрологический интернат с диагнозом-клеймом. Я определил его возраст как четырнадцать лет. Сделал необходимые исследования. Один вопрос снялся, возник другой: ну и что теперь делать?

Глава седьмая

Николай Викторович взял кофейник и наполнил мою чашку.

— У нас с женой детей не было. Мы их просто никогда не хотели. Алевтина Семеновна была талантливой балериной, а для танцовщиц беременность очень часто означает конец карьеры. Я же был весьма эгоистичен, ценил дома тишину, покой, уют и хотел, чтобы супруга заботилась только обо мне. Младенческие крики мне не по душе, общение с подростками тоже. Но вот прикипел я к Сереже душой, сначала брал его в гости к нам на пару часов. Первый раз с большой опаской, а ну как он себя плохо поведет. Но нет! Удивительное дело, парень оказался на редкость воспитан-

ным, ловко орудовал вилкой, ножом, не перебивал взрослых, после обеда поблагодарил: «Спасибо, было очень вкусно». Похвалил угощение: «Салат замечательный. От котлет я еле оторвался», и предложил: «Разрешите помыть посуду?»

Я понял, что он таким образом хочет нас отблагодарить, и, несмотря на наличие в доме прислуги, ответил:

— Будем рады твоей помощи.

Сергей все идеально убрал. После чего я ему предложил:

— Есть два варианта отдыха: включу тебе фильм на видике или мы можем сразиться в шахматы.

Он так обрадовался.

— Шахматы! Да! С удовольствием!

Я пошел за доской, жена со мной.

— Милый, ты же в студенческие годы на соревнованиях побеждал, уж поддайся мальчику.

Я ее успокоил:

— Конечно. Я не собираюсь самоутверждаться за счет его поражения.

Сели мы с ним за стол. Ну и... я проиграл! Представляете? Вот совсем не ожидал. Предложил реванш, и опять Сергей меня победил. Я завелся. Начали третью партию, парень допустил ошибку, причем в простой ситуации. Вечером я отвез Сережу в детдом, я тогда уже добился его перевода из психоневрологического интерната в обычный приют. Вернулся домой. Жена мне говорит:

— Милый, ты понял, что Сережа тебе поддался? Сначала он честно сражался, а потом увидел, что ты занервничал, и помог тебе победить.

Я усмехнулся.

— Да я уже сообразил. Хороший мальчик, и умный в придачу.

Ну и стал я его почаще в гости забирать. Где-то полгода он к нам приходил и открывался все с лучшей и лучшей стороны. В конце концов Аля предложила:

— Давай Сереженьку к себе заберем.

Я обрадовался, у самого та же мысль появилась, но я не знал, как жена отреагирует. Парнишка стал членом нашей семьи, и не было дня, когда бы мы пожалели о своем решении. Более заботливого, внимательного, умного сына просто нет на свете. Но мы так и не знаем, из какой он семьи, где его родители, в каких местах он провел первые годы жизни. Вот вам еще штрих. Когда Сережа перебрался к нам навсегда, я, естественно, решил определить его в лучшую школу. Знакомств у меня много, я нашел нужную, поговорил с директрисой, объяснил ситуацию. Она, женщина умная, сострадательная, предложила:

— Давайте мальчика в спокойной обстановке протестируем, определим уровень его знаний.

Когда Сережа сел за стол, педагог ему объяснила:

— Отметок тебе никто ставить не собирается. Просто мы хотим понять, в какой класс тебя определить. Папа подождет в коридоре. Не нервничай.

Подросток улыбнулся.

— Я все понял! И совершенно спокоен.

Я провел в холле, наверное, часа три. В кабинет заходили разные учителя, выходили они оттуда с явно озадаченными лицами. Потом меня вызвали, в комнате были Сережа и четыре педагога. Мальчика попросили выйти. Директриса заявила:

— Ему нечего делать в нашей гимназии.

Я расстроился, но виду не подал.

— Скажите, каков, на ваш взгляд, уровень его знаний? Четвертый, третий, второй класс? Мы найдем репетиторов.

— Если речь идет о математике, — ответила другая женщина, — то, наверное, второй курс мехмата!

— Русский язык безупречен, — добавила еще одна учительница, — речь прекрасная, список прочитанной литературы огромен.

— Читает, пишет по-английски без ошибок, — сказала преподаватель иностранного языка, — словарный запас у него богатый. Вот произношение отвратительное. Он мне объяснил, что сам учил язык по древнему учебнику, который нашел в библиотеке. Там объяснялось, как звуки проговаривать, но, конечно, он ничего не понял. Заодно с английским парень

освоил латынь и древнегреческий, там нашлись пособия и по этим языкам.

— В нашей гимназии Сереже делать нечего, — повторила заведующая, — мы его ничему научить не можем.

— Скорей он нас научит, — засмеялась «англичанка», — в детском коллективе мальчик не приживется. Слишком уж необычен, умен и образован. Отдайте парнишку в гимназию Льва Майнштейна, он только таких и берет.

Решеткин снял очки, протер их и снова надел.

— Вот, собственно говоря, и все. Школа Майнштейна была прекрасной. Сережа там просто расцвел. Затем был мединститут, который парень окончил с красным дипломом, ординатура. На выходе мы получили прекрасного, умного врача, пока кандидата наук, но Сережа молод, дорастет еще до докторской мантии и академической шапочки. Со временем я построил медцентр, Сережа сейчас заведует там отделением и стал моим заместителем. Это не кумовство, это по заслугам. Вам не кажется странным, что Евгения озаботилась поисками пропавшего сына спустя много лет? Где она раньше-то была? В тюрьме сидела?

— Нет, работала в банке, — уточнила я, — вы правы, если Кабанова мать Сергея, то ее поведение более чем странно.

Хозяин кабинета шумно вздохнул.

— Не скрою, меня взволновало появление матери. Думаю, надо решить вопрос радикаль-